

**ВЛАДИМИР
МАКСИМОВ**

**РАСТЛЕНИЕ
ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ**

Москва

издательство
РОДИНА

2021

УДК 30
ББК 63.3(2)
М 17

Максимов В.Е.

М 17 Растление великой империи / В.Е. Максимов. – М.: Родина, 2021. – 320 с. – (Кто мы?).

ISBN 978-5-00180-004-0

Владимир Емельянович Максимов (1930–1995) – один из крупнейших русских писателей и публицистов конца XX века. В 1973 году он был исключен из Союза писателей за романы «Карантин» и «Семь дней творения», в 1974-м эмигрировал во Францию. На чужбине Максимов основал журнал «Континент», вокруг которого собрались наиболее активные силы эмиграции «третьей волны» (в т.ч. А. Солженицын и А. Галич; среди членов редколлегии – В. Некрасов, И. Бродский, Э. Неизвестный, А. Сахаров).

После распада СССР В.Е. Максимов, неожиданно для многих, встал на «имперские» позиции.

В последние годы жизни он был постоянным автором газеты «Правда», беспощадным обличителем «демократических» реформ в нашей стране, защитником России и всего русского во враждебном кольце западной цивилизации.

В своей последней книге В. Максимов показывает, как медленно, шаг за шагом, шло разрушение великой советской империи, какую роль сыграли при этом влиятельные силы Запада, – и размышляет с позиций политики, религии, идеологии о том, почему наша страна оказалась беззащитной под их натиском. Кроме того, Владимир Максимов развенчивает химеры «демократических» завоеваний в России и рисует страшную, но реалистичную картину постперестроечного общественного устройства нашей страны.

УДК 30
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00180-004-0

© Максимова Т.В., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

ИЗГНАННИК-ПАТРИОТ

Мог ли я подумать где-нибудь в конце семидесятых годов прошлого столетия, жадно проглатывая страницы томика журнала «Континент», полученного от приятеля на одну ночь, что через каких-нибудь двадцать лет получу в лондонском русском книжном магазине полный его комплект, а еще через год встречу в Париже с его издателем.

Тогда, в 1990 году, после многолетнего статуса невыездного, получу я служебный загранпаспорт, а вместе с ним возможность воочию познакомиться с шедеврами мирового искусства, о которых так много слышал от университетских профессоров и которые постоянно любовно оглядывал в альбомах и монографиях. Посещение музеев, дворцов, соборов и монастырей занимало основную часть моих загранкомандировок, в остальное время имел я неоценимое счастье общения с русскими людьми, которые по тем или иным причинам вынуждены были жить вдали от России.

Почти все встречи тех «перестроечных» вояжей удалось мне с помощью замечательного моего друга Валентина Лазуткина, руководившего внешними связями Центрального телевидения, заснять и показать в своей постоянной программе Первого канала «Служенье муз не терпит суеты». Доживающий свой век в Нью-Йорке последний ученик Репина Михаил Вербов; наследник хорватского престола, потомственный дворянин, женатый на внучке Стравинского Михаил Елачич; очаровательная в своей непредсказуемости Зинаида Шаховская; гостеприимная,

так много помогавшая программам Советского фонда культуры Лидия Ворсоно; старый мой московский приятель, выдающийся коллекционер Георгий Костаки — все они стали с моей помощью собеседниками миллионов телезрителей и поведали о своих удивительных судьбах и делах, осуществляемых на чужбине и всегда обращенных к далеким берегам родного Отечества. Наиболее полными и содержательными в серии моих зарубежных телевстреч оказались беседы с замечательным русским писателем, отцом преследуемого на его любимой Родине «Континента» — Владимиром Емельяновичем Максимовым. Помню, как будто это происходит сегодня, с каким волнением шел я вместе с моим итальянским университетским другом Пьеро Кази на улицу Лористон, 11 бис. Я тогда уже знал цену немногим подлинным русским изгнанникам и отличал их от андроповских «туристов», оказавшихся на Западе с заранее подобранными местами службы, где они занимались антисоветской деятельностью. Настоящие враги тогдашнего режима, такие, как Владимир Осипов, Леонид Бородин, Александр Гинзбург, Анатолий Марченко, генерал Григоренко и многие другие тянули огромные сроки в ГУЛАГе, умирали или оказывались у чужих берегов смертельно больными.

Владимир Максимов предоставлял страницы «Континента» самым различным авторам, позиции которых могли взаимно исключать одна другую. Понимал я, как нелегко было ему «разводить» под одной обложкой ненавидящих своих коллег писателей, журналистов, борцов за права человека, поэтов, режиссеров, актеров и музыкантов. Но он достойно справлялся с тяжелой, рутинной работой и находил силы, чтобы создавать свои литературные творения, сразу же становившиеся популярными и востребованными.

Я знал о сложном характере Владимира Емельяновича и его неумении подстраиваться под общепринятые нормы и соблюдать галантность в разговоре. Знал и от людей, хорошо с ним знакомых, и из автобиографических страниц максимовских книг. Но после первых же минут нашего общения я понял, что за внешней суровостью и скупостью эмоций скрывается настоящий русский человек, много страдавший, много переживший, но

сохранивший в чистоте душу ребенка и остро реагирующий на любое проявление нечистоплотности и непорядочности. Уже первая наша встреча, обернувшаяся потом серьезными телебеседами, стала для меня еще одним подарком, на которые так щедра вся моя жизнь. Я понял, что передо мной единомышленник, а главное – старший друг и наставник. Когда я вместе со Львом Николаевичем Гумилевым смотрел по телевидению первую свою парижскую беседу с Максимовым, я понимал, что в комнате находятся два моих учителя.

«Перестройка» на глазах обернулась чудовищным беспределом, вторым с тяжелой руки Ельцина наглými и бессовестными либерастами. Помню, как специально собранный верным ленинцем, борющимся показно с коммуняками, Егором Яковлевым «круглый стол» в руководимых им и поддержанных камарильей 10-го подъезда ЦК КПСС «Московских новостях» обратился к доживающему последние деньки ставропольскому герострату Горбачеву с просьбой не пускать в Советский Союз Солженицына, Зиновьева и Максимова. Войновича, Аксенова, Буковского, Лимонова и прочую шуштуру, себе подобных, они встречали с распростертыми объятиями. А людей с собственными программами, стремящихся «обустроить Россию», боялись, как огня. В гневной отповеди, помещенной в колонке редактора «Континента», Владимир Емельянович, которого письмо к Горбачеву подленько старалось уличить в пристрастии к алкоголю (к тому времени он давно распрощался с «зеленым змием»), со свойственным ему беспощадным юмором спросил клеветников: «А подписывать сей грязный навет главного советского театрального деятеля Ефремова из вытрезвителя доставили?»

Когда Владимир Максимов навещался урывками в Москву, либеральные начальники которой предложили ему выкупить конфискованную квартиру, он презрительно обронил: «Я краденое не приобретаю». В каждый приезд приходил он ко мне в Выставочный зал Института реставрации. Здесь, на кухне старинного московского особняка, собирались Валентин Распутин, Василий Белов, Валентин Курбатов, Владимир Крупин и вели тревожные беседы о гибнущей на наших глазах России. К этому времени Владимир Емельянович вместе со своим «закадыч-

ным» оппонентом Андреем Синявским, убедившись в разрушительных устремлениях чубайсовско-гайдаровской шайки, высказывали свое отношение к совершаемым ими преступлениям на страницах «Дня», «Правды» и «Советской России». Демократия существовала лишь на словах и была оплачена гусинскими, березовскими, смоленскими и другими обладателями украденных у народа денег.

Расстрел Верховного Совета России в октябре 1993-го, когда среди бела дня ельцинские сатрапы уничтожили около двух тысяч невинных людей, оставив в живых своих подельников Руцкого и Хасбулатова, заставил Максимова содрогнуться. Особенно его возмутили письмо 42-х так называемых «элитчиков», умоляющих Ельцина стрелять в живых людей, и истошный вопль сына комиссара в пыльном шлеме, пролившего в свое время немало русской кровушки, поэта и певца Окуджавы, радующегося при виде московской «Варфоломеевской ночи». Потрясло писателя и устное обращение Солженицына к Ельцину, поддержавшего зверскую расправу на Красной Пресне. Его письмо к бывшему своему кумиру написано кровью и стоило замечательному человеку и талантливому писателю жизни. Максимов не умер, он погиб, как настоящий герой, любящий свою Родину «пламенно и нежно».

Я постоянно обращаюсь к Владимиру Максиму, когда силы и уверенность оставляют меня. У него я ищу поддержки и опоры. На него я ссылаюсь, когда борюсь с «иных времен татарами и монголами», хозяйничающими на ниве русской культуры.

P.S. Хочется выразить благодарность за помощь в издании этой книги Вадиму Мильштейну и Михаилу Де Буару.

Савва Ямичиков

ОБОРВАВШИЙСЯ ЗВУК

В музыке есть разные определения темпа и силы звучания мелодии. Есть темп и сила умеренные, плавные, тихие, есть взрывчатые, громкие, нарастающе-быстрые. Одним словом, есть *piano* и *forte*, что в музыкальном словаре означает «громко, сильно, в полную силу звука». Именно с *forte* я бы и сравнил жизнь Владимира Максимова. Он жил в полную силу звука. Когда я говорю «жил», мне хочется сказать: «мы жили», ибо родились мы с ним в один год, в один месяц и почти в один день: он 27, а я 28 ноября 1930 года.

Все на небесной карте России в те дни указывало на кровь. Осенью 1930 года начался процесс над Промпартией. Деревню уже выкосили — теперь пришла пора разделаться с инженерной интеллигенцией. 16 октября в «Известиях» была напечатана статья Горького «Об умниках». В ней задавался кровавый вопрос: «Надо ли вспоминать о людях, которые исчезают из жизни медленнее, чем следовало им исчезать?» 14 ноября — после публикации обвинительного заключения по делу о вредителях-инженерах — всю первую полосу перекрыла шапка: «Требуем расстрела пособникам интервенции!» На экстренном собрании работников искусств режиссер А. Довженко заявил: «Потребуем запретить им дышать!» 15 ноября появилась новая статья Горького, подведшая итог всенародным воплям о возмездии, — «Если враг не сдается — его истребляют». Именно так называлась она при первой публикации в газете. 25 ноября в тех же «Известиях» разродился стихами Сергей Городецкий:

Из нор вредительства,
из зарубежных ям,
из дыр поповства,
из кулацких гнезд
капканы хищные
спешат расставить нам,
но рвет капканы
наш дозорный пост.

«Дозорный пост» — это, естественно, ОГПУ, которое восторженные работники искусств (среди них Шкловский, Пудовкин, Таиров) за его заслуги перед Отечеством потребовали немедленно наградить орденом Ленина. Передовая статья в «Известиях» в день моего рождения заканчивалась словами: «Страшен сон, да милостиво ОГПУ».

Мы родились в эпоху бесправия и расправ и, может быть, потому ничего так не желали в своей жизни, как остановить насилие. Нам казалось, что литература тоже может помочь этому.

* * *

Как и многие из нас, Максимов начинал в газетах. Он печатал в них статьи и очерки, и даже стихи. Одно из таких стихотворений, где в положительном смысле упоминалось имя Сталина, было извлечено из подшивки перестроечным «Огоньком» и представлено читателю вместе с портретом молодого Максимова. Это был превентивный удар по тем, кто, по возвращении на родину, захотел бы предъявить права на свою чистую биографию. Оставшиеся в СССР и подличавшие в свое время интеллигенты боялись таких людей, как Максимов, и им нужно было, чтобы обелить себя, если не замарать, то хотя бы отчасти запачкать их. Так и поступил редактор «Огонька» В. Коротич, писавший антиамериканские романы, а потом сделавшийся заклятым западником. Он-то перешел в новую веру из корысти, а Максимов, которому во время написания злосчастного стихотворения едва ли было 20 лет, никакой выгоды из почтения к Сталину не извлек. Это столкновение главного редактора «Континен-